

Н

емолодая супружеская чета гостила у сына, жившего далеко от Москвы. Хозяева работали, поэтому во времена всеобщих очередей гостям пришлось обеспечивать провиантом все семейство. По магазинам ходили в основном дед и внук. Однажды гость на тернистом пути к прилавку почувствовал себя не очень хорошо и попросил покупателей, показывая удостоверение Героя Советского Союза, пропустить его без очереди. Просьбу уважили. Но, когда выходили из магазина, кто-то из женщин, стоявших у прилавка, обращаясь к мальчишке, посоветовала, укоряя дедушку: в следующий раз, мальчик, приходи с бабушкой. Постоим, пообщаемся, потолкуем о жизни. И услышала в ответ: у меня и бабушка Герой.

А теперь вспомним культовый советский фильм Леонида Быкова «В бой идут одни старики». Вспомним летчиков Ромео и Машу, случайно встретившихся на перекрестках войны, полюбивших друг друга и решивших пожениться. Вспомним, как иронично отреагировал на это сообщение Ромео майор Титаренко: «Это ты хорошо придумал, гм... Самое главное — вовремя...»

Так вот «сладкая парочка» — прототипы приехавших погостить к сыну супругов. Можете возразить: в фильме влюбленные гибнут, а наши здравствуют. Да, в фильме погибли. Окутав ореолом романтики подвиг, режиссер не мог не подчеркнуть его трагической основы. На самом же

деле для «настоящего» Ромео и его избранницы фронтовые испытания закончились сказочно: они стали Героями Советского Союза, остались живы и поженились в мирное время.

Я воспринимаю войну в виде циклопа с ненасытной утробой, который, стоя у края бездонной пропасти, сталкивает людей вниз и любит, как их обезображенные тела, подсакивая на валунах и уступах, летят в преисподнюю. Сотни тысяч, миллионы тел... Одни канули в вечность, другие в борьбе с циклопом прославили себя на все времена, погибнув; третьи не покидали поле брани даже тогда, когда были покалечены. Все знают Маресьева, но не все помнят, что он — один из многих. Не все помнят, что среди фронтовиков были глухонемые, женщины и мужчины, оставшиеся без рук, ног, дети-дошкольники и глубокие старики. Этот апокалипсис причул и нас, не бывших на фронте, воспринимать героизм и жертвы как обыденность: чего еще ждать от войны, кроме лишений? На то и война. Поэтому история подлинных Ромео и Джульетты воспринимается действительно как сказка.

Если вы, читатель, ничего не знаете о создании фильма «В бой идут одни старики», вы легко ошибетесь, пытаясь угадать, кто стоит за прототипами. И не мудрено. Некоторые наши «золотые» перья время от времени пытаются навязать обществу дискуссии по поводу того, почему иных предателей в генеральских мундирах надо причислить к рангу героев. А подлинные герои в навязываемой иерархии ценностей незаметно, но настойчиво вытесняются из нашей памяти.

Поэтому просто напомним: одна из сюжетных линий фильма «списана» с биографий Героев Советского Союза Надежды Васильевны Поповой и ее супруга Семена Ильича Харламова. Хотя генерал-полковник Харламов, заслуженный военный летчик СССР, был и консультантом кинокартины, многое осталось за кадром. Представьте: Надежда Попова долгое время летала в одном экипаже со штурманом и подружкой Екатериной Рябовой. Она тоже была удостоена звания Героя Советского Союза. Из воспоминаний сослуживцев: «Надежда Попова — Надя, красивая, яркая девушка с веселым, смеющимся лицом, летавшая азартно и смело. Могла, например, во время полета вылезти из кабины и сидеть, свесив ноги... Летала она с самого начала с Катей Рябовой — круглолицей, жизнерадостной студенткой с мехмата МГУ. Экипаж был безотказный, смелый, не боялся сложных метеоусловий и жесткой обстановки над целью...»

Но и этим наша история не ограничивается. И Екатерина Васильевна Рябова стала супругой летчика. Да не просто летчика — дважды Героя Советского Союза Григория Флегонтовича Сивкова. Удивительно! А еще удивительнее, что каждый пятый сослуживец Надежды Поповой и Екатерины Рябовой удостоен Звезды Героя.

Причем, некоторые из них хаживали по саратовской земле. Семен Харламов родился в поселке (теперь город) Красный Кут, поступил в Качинскую летную школу, эвакуированную на малую родину. Так что учиться искусству боевого пилотажа пришлось в родных стенах. Кажется важным напомнить об этом, потому что на сайте администрации Краснокутского района, например, герой-земляк даже не упомянут. В статье Википедии, посвященной поселку, о Степане Харламове опять ни слова. Нет упоминаний о нем и в другой статье Википедии о Краснокутском летном училище гражданской авиации (сейчас — филиал Ульяновского высшего авиационного училища данного профиля). Как говорится, в небе повезло, а на родной земле почему-то нет.

В этой связи, думается, не лишне будет напомнить и о том, что в Энгельсе, выполняя приказ командования, в начале войны Герой Советского Союза Марина Раскова сформировала авиагруппу из трех женских авиаполков: 586-го истребительного, 587-го бомбардировочного и 588-го ночного бомбардировочного. Судя по воспоминаниям, учились летному делу ускоренными темпами. Сводки Совинформбюро приносили нередкие сообщения. Наши войска отступали. Летчиков на фронте не хватало.

С.И. Харламов и Н.В. Попова

Девушки рвались воевать. Жили в землянках, которые вырыли сами. Занимались по 12–14 часов в день. А то, что не добрали на скоротечных занятиях по технике пилотирования, восполняли мужеством.

Мы знаем многих героев войны, которые закрывали собой амбразуры. О девушках-летчицах так не говорят. Но, по сути, эти хрупкие девушки старались закрыть собой от фашистских стервятников все небо. Закрывать от бомб и снарядов детские сады и школы, города и села, беспомощно распластавшиеся в степном Поволжье и Подонье. Хотя бы на день. Хотя бы на час. Или хотя бы на миг. На день — на первых порах не получалось. А вот на миг — удавалось. И удавалось часто. Пилотам 558-го полка ночных бомбардировщиков, где служили Надежда Попова и Екатерина Рябова, — тоже. Уже в июне 1942 года они приняли участие в боях на Южном фронте.

Сначала барышень в летной форме всерьез не принимали. Командир дивизии, куда прибыл ночной полк, удивился: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» А вот картинка из воспоминаний начальника штаба полка Ирины Ракобольской. Однажды по неотложным делам она прилетела в соседний, мужской авиаполк. «Мы нашли домик командира полка и постучали в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубаше. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Гляжу, он как-то побелел, и глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилета, он радостно заулыбался... и признался под конец: «А у меня выбыл начальник штаба полка по болезни, я и подумал, что мне Вас прислали вместо него, даже испугался». Номера полков похожи: 288 и 588. Немудрено ему было побелеть, увидев девочку под своим окном...»

Над девушками даже подтрунивали, называя их подразделение Дунькиным полком. Эта своеобразная кличка вобрала в себя все. И то, что командовала полком летчица хоть и опытная, с десятилетним стажем, по фамилии Бершанская, но имя, имято у нее было «говорящее» — Евдокия! И то, что полк числом более чем сто человек состоял из девушек, едва-едва вылупившихся из школьной скорлупы, и был полностью женским формированием. Правда, однажды на Кубани к полку прикомандировали радиотехника. Требовалось установить радиосвязь хотя бы с одним самолетом-разведчиком погоды, чтобы летчик мог сообщать о метеобстановке над целью. Невысокий скромный парень сторонился «легной гвардии» в девичьем обличе. Тер-

пел. Но когда ему на складе выдали весь ассортимент женского белья, терпение кончилось. Он заявил командиру, что радиосвязь установить невозможно, поэтому просит откомандировать его обратно. Откомандировали.

Девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали в неблагоприятную погоду на аэродроме прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках незабудки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полетов. Кое-кому действительно трудно было представить, что эта юная девичья гвардия способна противостоять хваленым фашистским асам.

А главное — на чем противостоять? Девушкам пришлось летать на У-2, позднее переименованном в ПО-2. Помните реплику Кузнечика из фильма «В бой идут одни старики»: «Ромео из Ташкента загрустил, Джульетта в кукурузнике умчалась». Это он, У-2. Принятое на вооружение в 1928 году детище конструктора Поликарпова было для своего времени машиной завидной. Но к началу войны на фоне немецких «Мессершмиттов», «Юнкерсов», «Фокке-Вульфов» она выглядела агнцем, посланным на заклание.

Страна знала об этом. Всем своим существом страна ощущала сполохи надвигающейся войны и в маршевом темпе готовилась к ней. В короткие сроки были построены новые авиазаводы, разработаны новые типы военных самолетов, не уступавших люфтваффе. Но их выпуск начался перед самой войной — в 1940 году. Не успели. К тому же много машин было потеряно в первые дни войны. Ряд авиазаводов пришлось эвакуировать за Волгу, за Урал, и на быстрое масштабное пополнение авиапарка рассчитывать не приходилось.

Поэтому пришлось воевать на том, что есть. Надо было использовать любую возможность, чтобы прикрыть войска с воздуха. Любая «летающая этажерка» была на вес золота. А У-2 — тем более. Самолет! Никого, естественно, не радовало, что этот самолет-биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана, был едва ли не полностью деревянным и мог загореться даже от спички, что у него не было радиосвязи, бронеспинок, защищающих от пуль и осколков. Бомбового отсека тоже не было, и бомбы приходилось подвешивать под крылья. Тихоходный «лайнер», для которого скорость 120 километров в час была предельной, превращался в медлительную воздушную черепаху, а скорость «Мессершмиттов» даже в начале войны подбиралась к 500 километрам в час. Пулеметы были установлены только к концу 1944 года. Личным оружием — пистолетом — с «Мессером» много не навоеуешь. Словом, если иметь в виду и техническую сторону дела, то ни дать, ни взять — Дунькин полк!

Однако относились к полку с нескрываемой иронией недолго. Из публикации в публикации в средствах массовой информации кочует такая версия. В разгар боев в донецких степях наши разведчики захватили в плен долгоязого немецкого ефрейтора. На допросе выяснилось, что ефрейтор с автоматом на груди уже побывал с «визитами вежливости» в некоторых странах Европы, но нигде не испытывал столько неприятностей, сколько в России.

— Что больше всего достает? — спросили его.

Ефрейтор не раздумывал:

— Партизаны, артиллерия и... ночные ведьмы...

— Какие ведьмы?

— Эти... Тра-та-та-та... Бах! Бах!

Да, вскоре фашисты окрестили (стали величать!) наших девушек «ночными ведьмами».

Заставили!

Заставили смекалкой. Бомбовые удары наносили, как правило, ночью. Летали на

бредущем, на предельно низких высотах. На подлете к цели выключали моторы и планировали, как привидения.

Заставили мужеством, за ночь нанося пять-шесть визитов к противнику летом и 10–12 — зимой. Чтобы уменьшить время в полете и благодаря этому успеть сделать больше вылетов, организовывали «аэродромы подскока», перелетая на них поздно вечером, а утром возвращаясь на основную площадку. Остаться днем на «подскоке» было опасно. Его доставала фронтовая артиллерия.

Заставляли бесстрашием. На У-2 вначале не было парашютов, но даже тогда, когда они появились, экипажи парашюты не брали, предпочитая 20 дополнительных килограммов бомб. Знали: на своей земле и на подбитом самолете сумеют приземлиться, а там, где хозяйничают фашисты, лучше остаться в горящей машине.

Немцы встречали ночных гостей, конечно, не цветами и фейерверками, а плотным зенитным огнем. Когда выяснилось, что зенитки не справляются с «ночными ведьмами», позвали на помощь «джентльменов» на «Мессершмиттах». В одну из ночей было потеряно сразу три самолета. Случалось, что пилоты погибали, и тогда до аэродрома машины вели штурманы. Иногда самолеты вспыхивали в воздухе, как спички. Огонь на глазах девушек-подростков уносил в небытие подруг, а они, глотая слезы, продолжали вести бомбардировщики «в весе комара» к цели.

В 1943 году при освобождении Новороссийска Надежда Попова получила задание: доставить отрезанным от наших войск морским пехотинцам питьевую воду, питание и боеприпасы. Груз сбросила и развернула самолет обратно. Немцы открыли ураганный огонь. Попова направила самолет к морю, но и там ее встретили огнем. Крадучись над волнами, взяла курс на Геленджик. Добралась. В машине насчитали 42 пробоины.

Так, теряя друзей и подруг, попадая едва ли не каждый день в передраги, шли, вернее, летели девушки к Победе. Тот самый именуемый остряками Дунькиным полк стал гвардейским, получил почетное наименование Таманского, был удостоен орденов Красного Знамени и Суворова III степени. И Надежда Попова, и Екатерина Рябова сделали более 800 боевых вылетов каждая.

А ведь скидок на то, что машинами управляют девочки, девчонки, не было. Как модно сейчас говорить, «картина маслом»: у одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба, которую штурман, державший ее на коленях, выбрасывал над целью, чтобы она, опускаясь на парашюте, освещала местность. Двое техников-механиков вскрыли эту бомбу, и сшили себе из парашюта трусики и лифчики (женщины в первое время получали мужское белье). Кто-то доложил об этом «компетентным органам». Дело передали в трибунал. Нарушителей судили и дали по 10 лет. Девушек спасли, добившись, чтобы они отбывали наказание в полку и искупили вину. Обе переучились на штурманов и обе были награждены.

Впрочем, фраза о том, что девчонкам не было скидок, лукава. Были! Обратимся к мемуарам ветеранов полка Ирины Ракобольской и Натальи Кравцовой «Нас называли ночными ведьмами». После Восточной Пруссии в полк впервые приехал командующий фронтом маршал Константин Рокоссовский. В феврале еще девяти девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. И вот 8 Марта, в женский день, Рокоссовский прибыл, чтобы вручить награды.

Ирина Ракобольская вспоминает: «Я помню, как была потрясена, когда вошла в комнату, где находилось не менее десяти генералов (командующий приехал со своими заместителями и, конечно, с Вершининым (командующим 4 воздушной армии, в которую входил полк. — А.М.), чтобы доложить Бершанской (командиру полка — А.М.), что в зале все готово. Я вошла — Рокоссовский встал, и за ним встали все остальные командиры. «Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру полка», — доложила, стою, и все стоят... Рокоссовский предлагает мне сесть, и

Г.Ф. Сивков и В.Е. Рябова

все садятся тоже... До меня не сразу дошло — ведь это он встал передо мной как перед женщиной!»

И мы, читатель, невольно подтягиваемся, когда думаем о «ночных ведьмах». И мы с вами готовы не просто вытянуться в струнку перед ними, а стать на колени, поклониться до земли за все, что они совершили. Но это благоговение иногда приводит к опрометчивым, если не сказать странным, выводам. Их представляют иногда как отшельниц и в этом видят истоки героизма. Источник называть не буду, но процитирую: «Женщине-бойцу нужно было быть на недосягаемой высоте моральных качеств, чтобы не вызвать перетолков на свой счет. А общение с мужчинами этому не способствовало. Потому-то «ночные ведьмы» избегали мужского общения. Штурманы — девочки, механики — девочки, стокилограммовые бомбы подвешивали вчетвером. Спали под крыльями самолетов, в брезентовых мешках, по двое, в обнимку. Игнорировали мужчин: думали, они принесут беду».

Нынешнее прочтение фронтовых будней некоторыми режиссерами, актерами, беллетристами с акцентом на прелюбодеяния, на голые тела вызывает протест. Но и ханжество ни к чему. Почитайте мемуары процитированных мной Ракобольской и Кравцовой, вдумайтесь хотя бы в эту фразу: «Постепенно изменялось наше отношение к окружающему и к самим себе: стали делать маникюр и прически, украшать свое общежитие, появились коврики над кроватями, подушечки, голубые подшлемники, разрешали приказом по полку на праздники надевать штатское платье, и влюблялись девушки, и командование полка принимало это серьезно, по-человечески».

По-человечески — значит, вот как. В конце войны, по воспоминаниям летчиц, случилось чрезвычайное происшествие — одна из новеньких, прибывшая в полк вместе с пополнением, собралась рожать. Командир полка и начальник штаба поехали к командующему 4-й Воздушной армии К.А. Вершинину, чтобы доложить о случившемся. А он в ответ: «Если эта женщина, находясь в таком положении, летала на боевые задания, и никто даже не подозревал, что она беременна, то ее не наказывать, а награждать надо! Она же — героиня! Езжайте в полк и готовьте подарки. Это не ЧП — это праздник!»

Поэтому встречаемая в публикациях фраза — на фронте нет места чувствам, как

мне кажется, притворноестественна. Как же — без чувств? Без любви — к Родине, к отчужденному дому, без симпатий к сослуживцам? Героизм — без чувств?.. Мужество — без чувств?..

Напомню о кавалерах «ночных ведьм». Пермяк Григорий Сивков успел окончить до войны авиационный техникум и военную школу летчиков, поэтому воевал с декабря 1941 года. Больше всего довелось летать на штурмовике ИЛ-2, машине очень живучей. Бывали случаи, когда летчик возвращался с задания почти что на «дуршлаге»: на крыльях и фюзеляже насчитывали до 50 пробоин. Конструкторы называли Ил-2 «летающим танком», летчики люфтваффе — «бетонным самолетом», солдаты вермахта — «чумой», «черной смертью».

Но «черная смерть» была уязвима: в постоянно висящий над фронтом штурмовик били и сверху, и снизу. На каждые 50 вылетов одна потеря. Не случайно, если судить по документам, после 1943 года звание Героя Советского Союза присваивали тем, кто сделал 80 и более вылетов. Григорий Сивков поднимался во фронтовое небо 247 раз. Не было недостатка и в самих экстремальных ситуациях: самолет пять раз горел, и спасало только чудо. Однажды оказался в самом логове фашистов. Выручил однополчанин, сумевший приземлиться на своей машине и умыкнуть друга из-под носа гитлеровцев.

Представитель саратовских степей Семен Харламов после окончания авиашколы с мая 1942 года принимал участие в боевых действиях в истребительном полку. На его личном счету тоже, естественно, есть сбитые «Мессеры». Но основной летной специализацией Семена была воздушная разведка. По крайней мере, большинство из 700 боевых вылетов совершено с этой целью. Самые серьезные задачи — его, самые опасные направления — тоже его. Но и самые точные разведданные принадлежали ему и его подчиненным.

Однажды фронтовые пути-дороги наших героев пересеклись с путями-дорогами героинь. Из некогда популярной песни слова не выкинешь: «первым делом» для них действительно были самолеты. Но не стоит забывать: и парни, и девчонки воевали в самом цветущем возрасте. В возрасте, который жаждет любви.

Будете в пермских краях, загляните в местные музеи. Там увидите письма Григория Сивкова возлюбленной — Екатерине Рябовой. Столько в них сердечности, душевности, нежности — дух захватывает! Женский полк не завоевывал мужчин. Девушки очаровывали их простотой и естественностью, способностью в суровых условиях войны не пойти «в разнос» и не очерстветь от горя и испытаний. Такие они были! Нет, не ночные ведьмы. Русские мадонны!

Случай на войне тоже играл свою роль — иногда роковую, иногда — царственно щедрую. Вот как об одном из них рассказывали сами участники событий. Однажды самолет Надежды был подбит. Она еле успела покинуть пылающую машину. В тот же день Семен Харламов подбил «Мессершмитт», но и самому досталось. Залитый кровью, он сумел посадить «ястребок» на брюхо в расположении наших войск. Примчалась санитарная машина. Срочно удалили пулю из щеки. Но в теле, как оказалось, застряла дюжина осколков!

— Почему не оставили машину? — спросят его.

— Хотел сохранить самолет, — ответит Харламов.

Повезли в госпиталь. А Надежда догоняла свою часть на полutorке. По дороге поравнялись с санитарной машиной.

— Кого везете? — поинтересовалась.

— Раненого летчика, весь изрешечен, — ответила медсестра.

Дальше поехали вместе. На разных машинах. На привале познакомились. Надежде запомнились озорные карие глаза, которые с любопытством рассматривали ее в маленькую щелку, оставленную в коконе бинтов. Прощаясь, бросила на ходу:

— Пишите, Сеня!

Сказала просто так — то ли из-за жалости, неожиданно возникшей к молодому коллеге, то ли из-за вежливости. Куда писать — адреса-то не назвала?

В течение года полк кочевал с аэродрома на аэродром, ночью делая бомбовые вылазки на фашистские «редуты», а днем отсыпаясь. Но однажды прибегает механик: «Товарищ командир, вас мужчина спрашивает»! А у меня, вспоминала Надежда, самолет уже стоит на взлет. Оказывается, прибыл в гости он, Сеня. Пришел в каком-то странном одеянии с чужого плеча. В очередном бою схватился с двумя фашистскими асами. Одного подбил, а второй его взял на мушку. Еле выбрался из горящей машины, все обмундирование сторело. Такой вот прибыл кавалер. Общались с ним минуты две. В кабине самолета были яблоки — полк стоял в садах — и фляжка с боевыми ста граммами, которые выдавали после ночных полетов. Надежда отдала ему все, что накопила, поскольку к спиртному не притрагивалась, и — улетела.

А потом вновь бои, бои, бои. Новая тактика, новые приемы. Первое время экипаж оставался как бы один на один с врагом, с плотным зенитно-пулеметным огнем, которым встречали фашисты каждый визит «ночных ведьм». Не всем, далеко не всем удавалось уклониться от снарядов. К тому же огонь зениток мешал сбросить бомбы точно в цель. После долгих споров выход был найден. Было предложено ходить «в гости» парами, с заранее расписанными ролями. У самой цели один экипаж утихомиривал мотор, планируя на объект и сбрасывая бомбы. Затем на полном газу он «отваливал» в сторону. Фрицы, естественно, начинали шарить по небу прожекторами, поливая уходящего взмутителя спокойствия огнем. А в это время к цели незаметно подкрадывался второй самолет, и — лови, фашист, гранаты.

Первым теорию подкрепил практикой экипаж Надежды Петровой. Свои задачи решал и Семен Харламов. Они встречали фамилии друг друга в газетах и радовались, что живы. 23 февраля 1945 года они сошлись на первых полосах газет — в указе о присвоении звания Героя Советского Союза. Поняли: это судьба. Брак засвидетельствовали 10 мая 1945-го очень оригинально — расписавшись на Рейхстаге.

В мирное время Семен Харламов командовал 36-й Воздушной армией, занимал другие командные должности. Надежда Васильевна уволилась из Вооруженных сил в 1952 году в звании майора. Была депутатом Верховного Совета СССР, возглавляла общественную комиссию по работе среди молодежи при Российском комитете ветеранов войны и военной службы.

А чета Сивков — Рябова, ставшие супругами в июне 1945 года, штурмовала высоты науки. После окончания Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского Григорий Сивков испытывал реактивные самолеты. Потом защитил кандидатскую диссертацию. Долгое время генерал-майор возглавлял кафедру академии. Екатерина Васильевна продолжила начатую до войны учебу на механико-математическом факультете Московского государственного университета, тоже защитила кандидатскую диссертацию и воспитывала молодое поколение.

Так совпало, что учеба Григория Флегонтовича в академии наложилась на учебу Екатерины Васильевны в университете. Жили вшестером в маленькой московской квартире. Сложности начались, когда появился первенец.

«Первую половину дня с Наташей сидела Катя, — пишет Григорий Флегонтович в мемуарах. — Сменял ее после обеда я, как только возвращался из академии. Катя ехала в университет готовить дипломную работу. Так распределялся у нас день. Но труднее была ночь. Сначала мы дежурили по полночи, но не получилось: не высыпались оба. Очередной эксперимент — дежурить по целой ночи — оказался более успешным. Через день мы отсыпались, это уже легче.

Молодой папа научился пеленать. Удивительно: вышла из меня, как говорили, неплохая няня!»

Завидная картина: в роли няни, в подчинении жены, Героя Советского Союза — генерал, дважды Герой Советского Союза. С ума сойти от истории этой любви! Нет-нет, да и вспомню фразу из дневника летчицы ночного полка Героя Советского Союза Евгении Рудневой, погибшей над Керчью в 23 года: «Зачем мне целый мир? Мне нужен целый человек, но чтобы он был «самый мой». Тогда и мир будет наш».

Да, именно так: тогда и мир будет наш! И кто нас с вами, читатель, убедит после всего этого, что чувства на фронте были противопоказаны? И может быть, только тогда, когда встретишь человека, который был бы «самый мой», даже, казалось бы, отчаянно сказочная история, как в нашем случае, вопреки жестокой логике войны становится былью.

